

Книги, как гласит известное латинское изречение, имеют собственную судьбу. Несомненно, что и эта книга, начав жить своей жизнью, принесет пользу всем, кого заинтересуют проблемы этнического самосознания, и не только народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Используя достижения истории, археологии и лингвистики, а также теоретико-методологические разработки советской этнографической науки, авторский коллектив сумел создать междисциплинарный труд— весомое «вещественное доказательство» плодотворности комплексного сравнительно-исторического подхода к изучению системных явлений историко-культурного процесса.

Т. М. Исламов

НАРОДЫ СССР

Н. Г. Волкова, Г. Н. Джавахишвили. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982. 238 с., илл., карта.

Изучение этнографии Грузии имеет давние и богатые традиции. Но даже на этом фоне выход в свет рецензируемой книги, которая, кстати, уже стала библиографической редкостью, сразу же вызвал большой интерес как у специалистов, так и у широких кругов читателей, в частности в Грузии. Интерес общественности к книге обусловлен в первую очередь ее высоким научным уровнем. Авторы поставили задачу осветить динамику развития культуры и традиций грузинского народа во времени и пространстве и осмыслить основные закономерности их развития на протяжении двух последних столетий. Сразу же хочется подчеркнуть, что поставленная цель авторами достигнута. Мы затрудняемся назвать какой-либо труд, который бы так полно и последовательно ознакомил читателя с бытовой культурой и традициями грузинского народа, охваченными в столь широких исследовательских рамках.

Работа состоит из введения, двух частей, заключения и глоссария грузинских терминов. Книга снабжена картой, пользуясь которой, читатель может определить территориальную привязку встречаемой в карте географической номенклатуры. Правда, на карте несколько неточно локализованы Картли и Джавахети, не указаны Лечхуми и Гудамакари.

Особо хочется сказать об иллюстрациях. На страницах книги помещены 60 фотографий, 42 рисунка и цветная вклейка. Иллюстративный материал своей наглядностью помогает восприятию текстовой части, тем более что он тщательно подобран. Особенно интересны исторические фотографии, выявленные авторами в музейных фондах страны. Они точно характеризуют отражаемые объекты, фиксируя в наиболее типичных образах разнообразие традиционной бытовой культуры грузин в ее социальных и локальных срезах.

Во введении авторы на высоком научном уровне знакомят с сутью исследуемого вопроса, степенью его изученности как до революции, так и в советский период, с характером и значением использованных источников, основными вехами исторического развития страны.

Как было сказано, книга включает две части. В первой дается монографическое описание грузинской бытовой культуры XIX—XX вв. Оно составлено по достаточно традиционной схеме, в данном случае традиция себя снова оправдала. Читатель получает исчерпывающие сведения по жилищу, пище, одежде и общественно-семейному быту грузин. К сожалению, авторы почти не рассматривают богатейшую традиционную духовную культуру грузинского народа. Однако не вызывает сомнения, что для познавательных задач исследования рассмотренный материал вполне достаточен. Вместе с тем следует признать, что в любом этнографическом описании возможны некоторые упущения, известная неполнота собранных сведений. Претензии такого рода можно предъявить и к рецензируемой книге.

Знакома читателя с жилыми постройками Хеви (современный Казбегский район), авторы пишут: «У мохевцев в этот период основным типом жилища были старые одноэтажные квитири и новые двухэтажные дома с галереями» (с. 31). В данном случае авторы ссылаются на этнографические очерки великого грузинского писателя Александра Казбеги. Однако в действительности он писал, о том, что для Хеви в прошлом были типичны двухэтажные дома с фасадными балконами¹. Вообще же сравнительно полное представление о жилых постройках в Хеви авторы могли получить из специального исследования В. Д. Итонишвили², которое, однако, было ими вообще опущено.

¹ Казбеги А. Мохевцы и их жизнь.— В кн.: Казбеги А. Поли. собр. соч. Т. V. Тбилиси: Сабчота мцeralи, 1951, с. 33 (на груз. яз.).

² Итонишвили В. Д. Жилые постройки в Хеви в прошлом и настоящем. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1967 (на груз. яз.).

В книге большое место занимает изучение структуры семьи, а также свадебных обрядов. Опираясь в основном на этнографическую литературу, авторы представили состав большой семьи, показали экономическую жизнь, систему управления, характер собственности, семейный этикет. По этим компонентам вполне ясно, что сохранявшаяся в дореволюционное время большая семья была пережиточным видом семейной общины. Касаясь типологии семьи, авторы, во многом исходя из материалов Р. Л. Харадзе³, пишут: «В Грузии выявлены три формы семейной общины в связи с различными формами хозяйствования: в Картли, Кахети, Имерети, Рача-Лечхуми, Мегрелии, Гурии — преобладание земледелия, у горцев (тушин, мохевцев, мтиулов, пшавов), а также в Кизики — преобладание скотоводства, в Хевсурети, Сванети и Горной Раче — смешанная форма хозяйства» (с. 99). Однако следует отметить, что Р. Л. Харадзе в своей монографии не исследовала Лечхуми, Мегрелию, Гурию, Мтиулету и Хевсурети, упомянутые в рецензируемой книге в связи с классификацией семейной общины. По этому классификация, данная Р. Л. Харадзе, требует дополнительного исследования. Утверждение авторов о том, что земледелие преобладало в Верхней и Нижней Раче, скотоводство — в Кизики, а в Горной Раче и Сванети наблюдался симбиозный тип хозяйства без приоритета какой-либо из названных отраслей, не вполне соответствует действительности. Вероятно, мы приблизились бы к реальности, увидев в Верхней, Горной Раче, а также в Сванети симбиозное хозяйство с преобладанием скотоводства, а в Кизики и Нижней Раче большее развитие земледелия.

Исследуя брачные отношения и обряды, авторы обращают основное внимание на обязательные предпосылки бракосочетания, материальные взаимные обязательства брачующихся, порядок обручения и свадебные ритуалы. По справедливому мнению авторов, в регулировании брачных отношений в исследуемый период было заметно действие норм как обычного права, так и права грузинского государства, христианской церкви и русского законодательства. Интересно приведенное в книге наблюдение о традициях борьбы за ограничение или ликвидацию некоторых вредных обычаев. Одним из таких обычаев было бракосочетание несовершеннолетних, с целью ликвидации которого в 1103 г., в период царствования Давида Строителя, Руис-Урбнисский собор принял специальное постановление. Об этом в рецензируемой книге сказано: «Обычай люлечного обручения был официально запрещен государством еще при Давиде Строителе, хотя он сохранялся в некоторых районах Грузии и в начале XX в.» (с. 214).

Мы не спорим с авторами о том, что обычай «люлечного» обручения действительно сохранялся до XX в., но, говоря о феодальной эпохе, в частности об эпохе Давида Строителя, необходимо вспомнить, что постановление того времени касалось запрещения бракосочетания несовершеннолетних, а не порядка «люлечного» обручения. По этому постановлению минимальный брачный возраст женщины был определен в 12 лет, а для мужчин, по предположению акад. И. А. Джавахишвили, — 14 лет⁴. Однако это постановление не запрещает обручение несовершеннолетних. Церковь сочла возможным вступление родителей в отношения свойства только при условии, что бракосочетание детей произойдет в зрелом возрасте. Что же касается утверждения авторов, что постановление церковного собора 1103 г. якобы отражено в § 399 Свода законов Вахтанга VI (с. 113), то это требует уточнения. В 399 пункт Свода законов Вахтанга VI внесен параграф из армянского судебника Мхитара Гоша⁵, что вряд ли является отражением грузинской действительности. Также невозможно искать в законах Вахтанга VI или в составленном им Своде законов постановление Руис-Урбнисского церковного собора⁶.

Во второй части предпринята попытка выявить закономерности развития бытовой культуры грузин в XIX—XX вв. Все высказываемые здесь суждения основываются на обобщении тех фактов, о которых идет речь в предыдущем разделе. В случае необходимости можно вернуться назад и соотнести теоретические выкладки авторов с тем или иным примером. Такая структура книги позволяет избежать схластичности, которой иногда грешат теоретические построения в современной этнографической литературе. При всей их остроумности, они нередко оказываются голой схемой, когда их соотносят с конкретным историко-этнографическим материалом.

Круг проблем, затронутый Н. Г. Волковой и Г. Н. Джавахишвили во второй части работы, достаточно широк: функции и особенности культурных традиций, возникновение и динамика новых и смешанных форм бытовой культуры, условия и факторы ее развития, традиции и этнос. Этот перечень ясно показывает, что авторы исследовали проблемы, весьма активно обсуждавшиеся в последнее время в специальной литературе. Действительно, проблема культурных традиций, их роль в обществе, механизм их зарождения, функционирования и наследования, упорядочение соответствующего понятийного аппарата находятся в центре внимания историков, этнографов, философов, культурологов. Так как многие вопросы теории культурной традиции еще дискуссионны, то, естественно, авторы прежде всего оговаривают собственное понимание основных определений. По их мнению, традиция — это преемственность, пере-

³ Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси: Зарп Востока, т. I.—1960; т. II—1961.

⁴ Джавахишвили И. А. История грузинского права. Кн. 2, в. 2. Тифлис, 1929, с. 366 (на груз. яз.).

⁵ Памятники грузинского права. Т. I. Сборник законов Вахтанга VI/Тексты, исследования, словарь проф. И. С. Далидзе. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963, с. 378 (на груз. яз.).

⁶ Габдзашвили Э. П. Уложение Руис-Урбнисского собора. Тбилиси: Мецниереба, 1978 (на груз. яз.).

дача культурного наследия (с. 4). Такое определение представляется хотя и правильным по существу, но недостаточно четким. Из текста видно, что Н. Г. Волкова и Г. Н. Джавахишвили считают входящими в объем понятия «традиция» и стереотипизированные нормы поведения (обычай), и предметы материальной культуры, которые по сложившимся образцам воспроизводятся в данной этнокультурной среде (жилище, одежда, утварь, сельскохозяйственные орудия — это тоже традиция), и, наконец, сам процесс воспроизводства традиций, включающий сложно опосредованный механизм межпоколенной трансмиссии культуры. Такое широкое понимание термина, естественно, требовало от авторов более четкой дефиниции.

Инновацию авторы вслед за Э. А. Баллером называют «квинтэссенцией опыта сегодняшнего дня» (с. 180). По их мнению, при наличии ряда условий инновация в будущем может превратиться в традицию: Где же грань, отделяющая одно качественное состояние от другого? Н. Г. Волкова и Г. Н. Джавахишвили считают, что, «появившись как единичное явление, новое через какое-то время становится массовым, и с этого момента оно начинает осознаваться народом как традиция» (с. 4). Это верно. Об этнической традиции можно говорить только тогда, когда ей следует достаточно большое число индивидов (понятно, что в данном случае не имеет смысла вводить какие-либо точные количественные показатели). Однако хочется указать еще на одно условие, которое неизбежно присутствует в процессе обретения инновацией черт традиционности. Инновация независимо от источника своего происхождения и своей конкретной формы входит в быт этноса как элемент инородный, функционирующий поначалу как бы вне системы, неся на себе марку престижности, экзотичности и т. п. Например, по данным авторов, в первой четверти XIX в. в Восточной Грузии появился новый тип дома (так называемый кахетинский). Он резко отличался от традиционного жилища своей благоустроенностью и первоначально получил распространение лишь в среде зажиточной прослойки населения. Владение таким домом было прежде всего показателем материального благополучия хозяина, его достаточно высокого социального статуса. Естественно, подобное строение расценивалось окружающими как новшество. В пореформенное время кахетинский тип дома получил самое широкое распространение как в Восточной, так и в Западной Грузии, потеряв при этом прежнюю знаковую функцию. К этому времени, как пишут авторы, «кахетинский» тип дома стал восприниматься в Грузии как традиционный. Вот в этих пределах, видимо, и лежит тот качественный скачок, который преодолевает инновация, превращаясь в традицию. Традиция — это всегда нечто обыденное, знакомое и памятное, лишенное каких-либо черт экстраординарности. Кстати, сами авторы, возможно, имея в виду то же самое, говорят о «психологической адаптации», которую должна пройти инновация, прежде чем стать традицией. А следование традиции — акт совершенно естественный, который имеет место постольку, поскольку в данной этнокультурной среде выработался соответствующий стереотип «ответа» на ту или иную конкретную ситуацию.

С этой точки зрения нельзя согласиться с мнением авторов о том, что некоторых традиций придерживаются «осознанно» (с. 180). Хотя, строго говоря, любой вид общественной деятельности есть результат осознанных действий индивидов, в интересующем нас аспекте такое словоупотребление вряд ли правильно. Вероятно, авторы имели в виду намеренное, вполне сознательное и демонстративное следование тем или иным формам некогда традиционного поведения. В данном случае мы сталкиваемся со сложным психологическим феноменом своеобразной «ностальгии» по уходящей этнической специфике бытовой культуры, желанием задержать этот процесс, окружить себя этномаркированными предметами быта. Это часто приводит к возникновению так называемых вторичных форм культуры, которые, совпадая по своим внешним атрибутам с традиционными явлениями, на самом деле таковыми уже не являются⁷. Подобные явления представляют собой уже иную плоскость для исследования, не менее интересную, однако не совпадающую с главной идеей рецензируемой книги.

Н. Г. Волкова и Г. Н. Джавахишвили последовательно проводят аксиологический подход к культурному наследию прошлых эпох, справедливо подчеркивая, что любая культурная традиция несет в себе «напластования прежних эпох», содержит элементы наносного и чуждого, несозвучного с нашей действительностью. В определенных ситуациях отрицательная сторона некоторых традиций становится доминирующей, что вызывает необходимость ведения целенаправленной работы по ее искоренению. Поэтому столь важны оценочные критерии при анализе нашего культурного наследия, его четкое и недвусмысленное соотнесение с задачами сегодняшнего дня. Работы, подобные рецензируемой, вносят свой посильный вклад в это научно и практически значимое дело.

В заключение хочется отметить, что монография Н. Г. Волковой и Г. Н. Джавахишвили, обобщающая и во многом по-новому интерпретирующая большой и разнообразный материал, несомненно, представляет заметное явление в отечественной этнографии.

В. Дж. Итонишвили

⁷ Чистов К. В. Проблема «вторичных» форм в фольклористике и этнографии. — В кн.: Расы и народы. Т. 5. М.: Наука, 1975.